

«Жена умирает *буквально*, – пишет Достоевский брату 2 апреля 1864 г., – каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне, потому что...»

Он обрывает фразу, ибо не может, да, наверно, и не хочет высказать на бумаге то, о чем думает постоянно. Его не оставляет чувство вины. И это чувство движет его пером, когда 16 апреля 1864 г., на следующий день после ее кончины, он заносит в свою записную тетрадь:

«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»

Возлюбить человека, как *самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует... Итак, человек стремится на земле к идеалу, *противоположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т.е. не приносил любовь в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом».

«Христианский идеал» противоположен человеческой натуре. Но во что превратился бы человек, если бы он следовал исключительно велениям этой самой природы (то есть тому, на что ориентировано, скажем, современное массовое сознание)? Вербально смысл такого превращения сформулирован героем той повести, которую Достоевский пишет в эти не лучшие для себя дни: «Я скажу, чтоб свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

«Возлюбить ближнего» может не каждый. Но следует ли поэтому отказываться от самой мысли? «Основная идея всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения, н<a>пр<мер> христианство», – записывает он «для себя». Он мучительно ощущает этот разрыв. «Я и Маша» – никто из них не осуществил «заповеди Христовой» – и тому, кто остался жить, не уйти от чувства страдания и греха.

«Еще» ставит он рядом с записью о покойной жене.

И, наконец, хочется сказать об одном поразительном совпадении.

15 апреля 1864 г., за несколько часов до кончины жены, Достоевский пишет Михаилу Михайловичу: «Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь, и начала заливать грудь и душить». Проходит семнадцать лет – и 28 января 1881 г., за три часа до собственной смерти, Достоевский диктует Анне Григорьевне «бюллетень» – письмо к графине Е.Н. Гейден (где говорит о себе в третьем лице): «26-го числа в легких лопнула артерия и залила, наконец, легкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задушением». Он говорит о своих предсмертных страданиях почти теми же словами, что и о предсмертных страданиях жены. «Все мы ждали кончины», – пишет он брату. И – о себе графине Гейден: «С 1/4 <часа> Фед<ор> Мих<айлович>, был в полном убеждении, что умрет». И в том, и в другом случае он оказался прав.

Глава 3

«БРАТ, СТОЛЬКО ЛЕТ СОПУТСТВОВАВШИЙ МНЕ...»

Судьба Мих-Миха

Разве только ленивый не вспоминал этот знаменитый пассаж: «Человек есть тайна...» и т.д. При этом, как правило, забывают об адресате. Между тем сакраментальной фразой завершается письмо 17-летнего Достоевского к 18-летнему брату Михаилу. «Твой друг и брат», – подписывается автор письма. Эта *расхожая формула* имеет в глазах обоих корреспондентов особенный смысл. Они чувствуют себя родными не только по крови.